

НАТЯЛЯ
НЕСТЕРОВА

Редакционно-издательская группа

«Жанровая литература»

представляет книги

НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ

А В ОСТАЛЬНОМ, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...

БАБУШКА НА СНОСЯХ

ВОСПИТАНИЕ МАЛЬЧИКОВ

ВЫЗОВ ВРАЧА

ВЫЙТИ ЗАМУЖ

ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ!

ДВОЕ, НЕ СЧИТАЯ ПРИЗРАКОВ

ДЕВУШКА С ПРИВЕТОМ

ЗА СТЕКЛОМ

ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ

ИЩИТЕ КОТА

КОНКУРС КОМПЛИМЕНТОВ И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ ОТ

ПЕРВОГО ЛИЦА

КОШКИ-МЫШКИ

ЛЮБОВЬ БЕЗ СЛОВ

НЕПОДХОДЯЩИЙ ЖЕНИХ

О ЛЮБВИ

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

ОТПУСК ПО УХОДУ

ПОЗВОНИ В МОЮ ДВЕРЬ

ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА

ПОРТРЕТ СЕМЬИ

ПРОСТИТЕ МЕНЯ!

СДЕЛАЙТЕ ПОГРОМЧЕ

СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА

ТАТЬЯНИН ДОМ

ТОЧКИ НАД «Ё»

ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ МЕНЯ

УКУС ЗМЕИ

УРАВНЕНИЕ СО ВСЕМИ ИЗВЕСТНЫМИ

ФАНТАЗЕРКА

ЦЕЛЮЮ РУЧКИ

ШКОЛА ДЛЯ ТОЛСТУШЕК

ТРИЛОГИЯ «ЖРЕБИЙ ПРАВЕДНЫХ ГРЕШНИЦ»

Сибиряки

Стать огнем

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

Точки над ё

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Фотография Натальи Нестеровой — *Дмитрий Романов*
Оформление — *Екатерина Петрова*

Нестерова, Наталья.
Н56 Точки над «Ё»: [роман] / Наталья Нестерова. —
Москва : Издательство АСТ, 2016. — 288 с. —
(Совет да любовь. Проза Натальи Нестеровой).

ISBN 978-5-17-096344-7

«Ася Топоркова, девица двадцати пяти лет, окончившая институтский курс, имела монументальную фигуру и сентиментальную душу. Попытка выйти замуж за ушедшего пройдоху была вовремя пресечена мудрыми родителями, но надолго травмировала ее сердце. Необходимость зарабатывать на жизнь счастливым образом была реализована благодаря другу» — так начал бы свой рассказ Чехов, если бы он знал Асю.

Но Ася живет в XXI веке. Земляки ее узнают... нет, не в лицо, но по голосу! Асин уникальный голос — фирменный знак областной радиостанции, а историями о русском языке заслушивается и стар и млад. У нее прекрасная работа, необычная семья и друг, который с каждым днем становится все ближе и дороже. Правда, он упорно считает Асю тургеневской девушкой и обращается с ней как с кисейной барышней. Обрадует ли его столкновение с реальностью?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Нестерова, 2016
Все права защищены
© ООО «Издательство АСТ», 2016
ISBN 978-5-17-096344-7

*Инне Кравченко,
чья душевная щедрость безгранична*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РАДИОПЕРЕДАЧА «СЛОВАРИК»

Понедельник, третье ноября 2008 года

– Пришло время, ребята, ответа на вопрос, который я задала в начале радиопередачи. Итак, «бить в литавры» – значит радоваться, торжествовать, праздновать победу. Но что же это такое – литавры?

Я произношу номер телефона и надеваю наушники. Звукорежиссёр Костя через стекло показывает мне, что есть звонок.

– Алло! Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста.

– Маша Колесникова, – пищит детский голос.

– Сколько вам лет, Маша?

– Одиннадцать.

– Что за инструмент литавры, Маша?

– Это такие большие тарелки железные.

– К сожалению, вы ошибаетесь. Всего доброго! Ещё звонок. Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста, и скажите, сколько вам лет.

– Двенадцать, я Игорь. А литавры – это как крышки круглые.

– Нет, не правильно.

– Но мне мама сказала! – упрямо настаивает мальчик. – В оркестре сзади стоят и бьют ими друг в друга.

– Ваша мама ошибается. Следующий звонок. Алло!

В том, что родители вместе с детьми слушают передачу, я не вижу ничего плохого. Конечно, взрослые подсказывают, часто — верно, иногда — садятся в лужу. Хотя есть время заглянуть в словарь, надеются на собственные знания.

Только пятый позвонивший ребёнок ответил правильно: литавра — это ударный музыкальный инструмент, барабан в виде полушария или котла, обтянутого кожей. Выигравший получит книгу стихов о Родине русских поэтов девятнадцатого века.

Костя щёлкнул на пульте, зазвучала песенка про алфавит, позывной нашей передачи. Вне эфира я по телефону объяснила победителю, как и когда получить приз.

Выхожу из студии — маленькой комнаты со звуко-непроницаемыми стенами, из обстановки — стол, два стула, микрофоны на штативах. В стене, разделяющей студию и операторскую, — толстое стекло. Во время передачи мы с Костей обмениваемся жестами. Операторская тоже невелика, полкомнаты занимает пульт.

— Как? — спрашиваю я Костю о передаче.

— Классно. — Он показывает большой палец. — Ася, ударим по чашке кофе? Жду тебя в «Столовке»?

— Только в редакцию книжку отнесу.

В редакции — лабиринте письменных столов на площади пятьдесят квадратных метров, где сидят сотрудники радиостанции, — есть тележка вроде тех, с которыми покупатели раскатывают по магазинам самообслуживания. В тележку складывают призы после эфира разных передач, большей частью книги, но есть ещё билеты в театр, на выставки, абонементы фитнес-

клубов — словом, всё то, что предоставляют рекламодатели.

Стихи русских поэтов я заталкиваю в пластиковый файл с запиской: «Панкратову Юре. Эфир 03.11.08» и кладу в тележку. Раздача призов по пятницам: помощник режиссёра выкатывает тележку к проходной, за пост охраны, и тем, кто приехал, вручает завоёванное. Мне очень интересно посмотреть на своих победителей или их родных, которые отправились на другой конец города за книгой для ребёнка. Нет ничего проще — пойти вместе с помрежа, понаблюдать. Но я этого никогда не делаю. Стесняюсь или боюсь разрушить незримый контакт со своей аудиторией.

«Столовка» находится в нашем громадном здании. В прежние времена все девять этажей занимал НИИ, разрабатывавший оптоволоконные кабели. НИИ поныне существует, но теснится на последнем этаже. На остальных — офисы. Каких только нет. От туристических фирм до нотариусов, от пластиковых окон до прорицательницы Анфисы — муравейник мелкого бизнеса в центре нашего областного города. Сотрудники муравейника — главные посетители «Столовки». Простые смертные входят в «Столовку» через дверь в торце дома. Мы проникаем через узкий коридорчик между охраной и складами с загадочным содержимым. В социалистическое время это была заурядная институтская столовая. В новую капиталистическую эру младший научный сотрудник Дима Столов ударился в ресторанный бизнес, открыл в нашем городе несколько кафе с пышными названиями, заодно приватизировал и пункт общепита в родном институте, который всегда называли «столовка». Теперь мы имеем в горо-

де несколько приличных заведений с хорошей русской кухней, вроде столичных «Ёлок-Палок» или «Му-Му», и все они переименованы в «Столовки» — от фамилии владельца и в типично русской манере называть пренебрежительно достойную вещь. С Димкой я училась в одном классе. Он был в меня влюблён всю третью четверть в восьмом классе. Димке я обязана приглашением работать на радио.

Костя сидит за облюбованным нами столиком у окна, под искусственной пальмой. Димка капитального ремонта столовой не делал, ограничился косметическим, без замены водопроводных и отопительных труб. Их рвёт по всему зданию — любимая тема стенаний арендаторов. Когда в родной «Столовке» очередное сантехническое соединение начинает фонтанировать, Димкины слесари обматывают место течи резиновым бинтом, поверх стягивают проволокой. Для маскировки ставится искусственная пальма или фикус. Если протечка на уровне полутора метров и выше, она закрывается гирляндами из ядрёно-зелёных пластиковых листьев. В отличие от остальных «Столовок», оформленных в смешанном русско-советском стиле, наша походит на островок, расчищенный в джунглях.

Перед Костей чашка кофе и стакан с водой. Мне он тоже взял кофе и три пирожных — заварную трубочку, корзинку с ягодами и кусок наполеона.

— Ох, как это вредно! Но так вкусно! — облизываюсь я. — Спасибо!

— На здоровье, Ася! Оно тебя не испортит.

— Дальше некуда? — Сахарная пудра, которой обсыпан наполеон, маленьким облачком взлетает у меня перед носом.

– Тебя испортить невозможно, – великодушно говорит Костя, – как остановить полноводную реку, бросив в неё пару-тройку веток.

– Ага, – отпиваю кофе, тыкаю пальцем в оставшиеся пирожные. – Что нам калории. Тысячей больше, тысячей меньше. Зато какие сладкие!

– Правда? Ася, завидую тебе. Получать удовольствие от... извини...

– От жирного крема и пышного теста? Но это, правда, очень вкусно! Вот трубочка заварная, смотри, какая лакомая...

– Ешь, ешь! Когда ты пирожные поглощаешь... Ерунда, какие-то глупые мысли в голову лезут.

– Недостойные мысли надо искоренять, по себе знаю. Сорняки, прополка, оздоровление полезных растений. У тебя дачи или просто бабушки в деревне, при огороде, нет?

– Нет.

– Тогда сравнение отменяется. Уф! Смолотила два пирожных и не заметила. После передачи у меня всегда нервная вибрация. С химией в школе было неважно. Теперь могу сказать: лишний адреналин нейтрализуется сахаром.

– Ася, мне кажется, ты любишь Чехова. – Косте надоели рассуждения о калориях и пирожных.

– Угу, – киваю. – Более того, восхищаюсь умением с ходу, быстро ввести в курс дела, обрисовать героя со всей его биографией и сущностью, не растекаться с предысторией, а взять сюжет в узду. Вот, к примеру, рассказ «Страдальцы», начало: «Лизочка Кудринская, молоденькая дамочка, имеющая много поклонников, вдруг заболела, да так серьёзно, что

муж её не пошёл на службу...» Рассказ «Нахлебники»: «Мещанин Михаил Петров Зотов, старик лет семидесяти, дряхлый и одинокий, проснулся от холода и старческой ломоты во всём теле». Рассказ «Неосторожность»: «Пётр Петрович Стрижин, племянник полковницы Ивановой, тот самый, у которого в прошлом году украли новые калоши, вернулся с крестин ровно в два часа ночи». Гениально! Максимум информации при минимуме слов.

— Ты что, по памяти цитируешь? — тарасит Костя глаза. — Наизусть Чехова знаешь?

— Наизусть отрывки. Я девушка отрывков. Из Пушкина, Лермонтова и далее по ходу развития русской литературы: из Некрасова, Тургенева, Толстых — Алексея Константиновича и Льва, Горького, Чехова, поэтов Серебряного века... Стараюсь не давить окружающих цитатами. Моей заслуги, по большому счёту, нет — с генами досталась фотографическая память на тексты, которые мне нравятся.

— А формулу квадрата суммы ты помнишь? — неожиданно спрашивает Костя.

— Мужчина! — игриво задираю правую бровь. — Не требуйте от литературно подкованной женщины пошлых алгебраических мелочей.

— Извини!

— Да чего там, — милостиво прощаю я, принимаясь за последнее пирожное, — «а» квадрат, плюс два «а» «бэ», плюс «бэ» квадрат — ерунда. Между тем клубничка-то в корзинке несвежая. Надувают кондитеры Димку.

— Ася...

— Да?

Он почему-то не сразу формулирует вопрос. Костя — на всём белом свете единственный человек, с которым я не чувствую напряжённости общения. Природа моей вольности проста, но это объясню чуть позже.

— Ася...

— Бином Ньютона? Озвучить?

— На тебя сладкое действует как спиртное.

— Большая экономия финансов применительно к людям среднего достатка. О чём ты хотел спросить? — И вместо того, чтобы дожидаться ответа, выпаливаю: — Передача была удачной!

— Отличной, — соглашается Костя. — Даже я понял разницу между причастиями и деепричастиями.

— Ты — не показатель. Ты умный и не дитя. Хотя, — поднимаю палец, — говорят, если ребёнок не выучил таблицу умножения до двенадцати лет, он никогда её не запомнит. Чем склонение прилагательных хуже таблицы умножения?

— Лучше во всех отношениях. Ася! Если бы ты оказалась героиней чеховского рассказа, как он начал бы его?

— С ума сошёл? За Чехова я не могу.

— Попробуй своими словами!

Мне кажется это забавным. После короткого смешка импровизирую:

— Ася Топоркова, девица двадцати пяти лет, окончившая институтский курс, имела монументальную фигуру и сентиментальную душу. Попытка выйти замуж за ушлого пройдоху была вовремя пресечена мудрыми родителями, но надолго травмировала её сердце. Необходимость зарабатывать на жизнь счастливым образом была реализована благодаря гимназистскому

другу... Нет, нет, нет! У меня не получается даже приблизительно. Сам попробуй. Ты — глазами Чехова, — кручу ладонью в воздухе, мол: «давай-давай»!

Во время передач, когда я поднимаю взгляд от листов бумаги с заготовленным текстом и говорю не по сценарию, Костя делает то же самое — пропеллер из пальцев: «Хорошо импровизируешь, гони дальше!»

С Костей мы могли бы разговаривать только взглядами и жестами, доведись оказаться на бескислородном астероиде, в герметически закупоренных скафандрах. И перед физиономией — толстое стекло, как между студией и операторской.

— Давай-давай, — подбадриваю я.

— Константин Аверин был рождён недоношенным, на седьмом месяце и полутора килограммов. Исключительно благодаря хорошему доктору смог выжить. Стараниями самоотверженной мамы вырос в здоровую особь. Папа не участвовал. Папа сделал лыжи на том самом седьмом месяце...

«Не чеховский стиль изложения, — подумала я. — Но столько скрытой экспрессии! Антон Павлович не возражал бы...»

— Из недоноски, — продолжал Костя, — получился интеллектуально удовлетворительный результат. ВГИК окончил и прочая. Вернулся на историческую родину и востребован... — Костя провёл рукой над головой, — выше чердака. Тут тебе и театры — два областных: драматический и оперы-балета, и радиостанции опять-таки как грибы множатся, а со звуком никто работать не умеет. Однако вернёмся к герою. Костя Аверин на сегодняшний день — это мелкая собачка, вроде пекинеса, которая думает, что она грозный пёс.

Он говорил насмешливо и без напрашивания на деликатный протест. Хотя в его глазах всё-таки я уловила смутный вопрос.

Только и успела сказать:

– Самоирония – признак исключительно сильного мужчины.

– Ася, привет!

Как с неба упал, на самом деле просто подошёл Дима Столов, наклонился, звонко поцеловал меня в щёку. Он всегда целовался взаправду, с чувством, не признавал ритуального чмокания воздуха, перенятого у западников. С особым хозяйским чувством прикладывался к дамам, в которых был когда-то влюблён. Подарил им милость, должны благодарить до конца дней. Дима относится к тем людям, которые чужую доброту воспринимают как естественное явление, вроде солнечного света. Свои же благодеяния никогда не забывают, вечно помнят о подвиге. В школе Димка мог одолжить ластик, а потом потребовать решить за него контрольную. Я была в долгу перед Димкой аж по двум статьям: влюблённость в третьей четверти восьмого класса, плюс замолвленное продюсеру радиостанции слово. Уверена, что дело обстояло так: краем уха Димка услышал разговор обедавшего продюсера, мол, надо найти ведущую для детской передачи, посвящённой русскому языку, и предложил меня. Небрежно сказал: «У меня есть одна знакомая. Ничего особенного, но голосок приятный. Хочешь посмотреть?» Как бы то ни было, благодаря Димке моя жизнь счастливо перевернулась в момент глубочайшей депрессии.

– Цветёшь-полнеешь, – не то похвалил, не то обругал меня Дима.